

Екатерина Крыласова
Фата в горошек

Екатерина Крыласова

Фата в горошек

«Издательские решения»

Крыласова Е.

Фата в горошек / Е. Крыласова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969549-9

Посвящается моей подруге Тамаре. Маленькая Сашка и Александра — одно и то же лицо. Она мечтает стать счастливой и, конечно же, хочет выйти замуж, и непременно в белом платье. Но непростые отношения с матерью могут поломать ей всю жизнь: на эмоциях она собирается выйти замуж за парня с очень сомнительной репутацией. Неожиданно она получает помощь, откуда и не ждала, в лице своей закадычной подруги, с её интересной жизнью и невыдуманной историей.

ISBN 978-5-44-969549-9

© Крыласова Е.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая, в которой Санька примеряет фату в горошек	7
Глава вторая, в которой бабушка идет в Инстаграмм1	11
Глава третья, в которой Наталья отправляется в детство	15
Глава четвёртая, в которой незнакомка преподаёт тяжёлый урок	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Фата в горошек

Екатерина Крыласова

Фотограф Р. Маркин

Иллюстратор Т. С. Крыласов

Редактор А. М. Воронков

© Екатерина Крыласова, 2023

© Р. Маркин, фотографии, 2023

© Т. С. Крыласов, иллюстрации, 2023

ISBN 978-5-4496-9549-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая, в которой Санька примеряет фату в горошек

Было раннее зимнее утро, когда за окном ещё очень темно, когда спится так сладко и снятся самые яркие сны, особенно в детстве.

Сашка сквозь сон почувствовала, как в комнате зажётся свет и услышала резкий голос матери:

– Давай, вставай быстрее! В школу пора! Портфель собрала с вечера?

Глазам было больно от этого яркого света, их совсем не хотелось открывать и, тем более, вылезать из-под теплого одеяла. Рядом предательски растянулся Мурзик, сложив на неё свои лапки. Сашка обняла кота и прижала его к себе. Она открыла глаза и посмотрела на его довольную, сытую физиономию.

Мурзик вставал в шесть, заслышав возню отца, собиравшегося на работу. Потягиваясь на ходу, он важно вышагивал, идя в сторону кухни и, громко мяукая, требовал причитающийся ему кусочек мяса. Потом, тщательно умыв свою мордочку, спешил в Сашкину комнату и, растянувшись рядом, спал ещё немного, пока мать не поднимала её в школу. И каждый раз не было никаких сил оторваться от этого мягкого и пушистого коврика с подогревом.

– Вставай, говорю тебе! Мне сегодня раньше на работу надо... ещё заплетать тебя...

Мать носилась по комнате, открывала шторы и по пути наводила кое-какой утренний порядок.

Мурзик приоткрыл сонный глаз и с надеждой посмотрел на Сашку: «Может останешься сегодня, а? И мы ещё полежим», – читала она в его хитрых глазах.

– Думаешь, мне хочется? – сказала она коту, отстраняя его и спуская свои босые ножки с кровати, и тут же кашлянула. Ой, мам, у меня, кажется, горло болит.

Мать подошла, положила ей руку на лоб и сказала раздраженно:

– Ищи градусник.

Градусник запищал, и Сашка прошлепала босиком в соседнюю комнату:

– Мам, 37 и 7, – сказала она, протягивая ей прибор. Мать стояла у зеркала нарядная и красила губы. Брови её нахмурились, она гневно посмотрела на цифры, которые безжалостно нарушали все её планы.

– Господи! Да где ты эти болячки только цепляешь, горе луковое!

И она больно дёрнула Сашку за светлый чубчик.

– Собирайся, пойдёшь к бабушке... Портфель тоже бери, пусть она с тобой учебники почитает, поняла? – неслось Сашке вслед.

– Поняла, но у бабули сегодня хор, – ответила та.

– Ничего, одна побудешь немножко, немаленькая уже. А бабуле твоей всё дома не сидится, – пылила мать.

Через пару минут в пороге она, торопясь, помогала одевать Сашке пальто.

– Опять пуговицы оторвались. У-у, растяпа! У других девчонки как девчонки, ну ты же!..
В кого только такая?

Сашка слушала всю эту тираду равнодушно, на лице её было выражение скорби ужасно больного человека, готового вот-вот отдать Богу душу. Она медленно обувалась, поглядывая на Мурзика, который, потеряв надежду полежать и понежиться рядом с любимой хозяйкой, по обычаю своему вышел её провожать. Куда? Он собственно своей кошачьей головой не понимал, но делал это верно каждый день.

– Жалко, Мурзик, тебя с собой не взять, я скучать по тебе буду... – начала Сашка, надевая шапку, но мать больно дернула её за руку и вытолкала за дверь на улицу.

Бабушка жила в 15 минутах ходьбы от их дома, и после школы Сашка каждый день заходила к ней: делала уроки, играла, пока мать, вернувшись с работы, не забирала её домой. Сашка училась уже во втором классе и ужасно гордилась, что она не какая-то там первоклашка, а девушка взрослая, понимающая жизнь.

Бабушкина пятиэтажка стояла у дороги в центре города, окна её однокомнатной квартиры на втором этаже приветливо светились. Двери она никогда не запирала.

– Да кому я нужна? И братъ у меня нечего, – говорила она, когда Сашкина мать ворчала на неё.

Сашка, увидев знакомую дверь, выдернула свою руку из материнской и, влетев в подъезд, опрометью промчалась по лестнице. Вбежав в прихожую, звонким голосом прокричала:

– Бабуля!

– Санечка! А чего?.. – донёсся из кухни голос Евгении Васильевны, она поспешила в прихожую, услышав родной голос, – чего ты так рано? Случилось что?

– Я к тебе на целую неделю! – тараторила радостно Сашка, спешно снимая пальто и шапку, – вот только Мурзик без меня как? Мы с тобой учебники сами будем читать...

– На неделю? Мурзик? Ничего не понимаю...

Но тут в прихожую вошла мать, и Евгения Васильевна растерянно обратилась к ней:

– Наташа, объясни мне, что случилось?

– Заболела, коза эта, снова, горло или ещё что, не знаю я... Мерь ей температуру, – и, порывшись в кошельке, положила на тумбочку несколько бумажек, – вот, лекарство купи ей, я с работы позвоню, скажу, какое нужно. Всё, я опаздываю...

И она опрометью выбежала за дверь. Вслед ей неслось:

– Наташа, обед-то себе взяла?

Но в ответ донёсся только стук каблучков и грохот подъездной двери...

Евгения Васильева держала в руках Сашкино пальто.

– Девочка моя, да как же ты ходишь-то, двух пуговиц нет, это ж не лето жаркое, а зима поди! – причитала она, идя в комнату за шкатулкой, в которой хранились пуговицы.

Через полчаса Сашка, наряженная в пестренький халатик с цветочками, который бабушка ей сшила год назад из фланели, с заплетёнными косичками – калачиком, как она любила, и с пуховым шарфиком на шее, приплясывая, стояла рядом с бабушкой у кухонного стола.

– Ну и что, что у меня 38 температура, ты не волнуйся, я посижу одна. А ты иди на свой хор.

– Не шуми, командир, – сказала Евгения Васильевна. Она замешивала тесто и о чём-то своем думала. Вернее, думала-то она о Сашке и о том, что ей предстоит сегодня пропустить своё любимое занятие. Хор стал её отдушиной с тех пор, как она окончательно вышла на пенсию, оставив свою любимую работу. Немного погодя она сказала:

– Ладно, ещё далеко до концерта... Сегодня пусть как-нибудь без меня – и, отряхнув руки, пошла к телефону, – позвоню Станиславу Михайловичу, предупрежу...

Бабушка часто что-нибудь пекла, но когда Сашка болела и её на неделю отправляли в «ссылку», то на столе появлялись пончики, щедро посыпанные сахарной пудрой, как любила Сашка. Бабушка замешивала тесто и давала ей покатавать колбаски, которые превращались в колечки и жарились в большом количестве масла. Они оставляли часть теста в холодильнике, чтобы на следующий день свежая румяная выпечка снова была на столе.

Сашка обожала бабушку! Перспектива пожить у неё неделю заставляла радостно колотиться её маленькое сердечко. С бабулей всегда так легко! Можно говорить обо всем-обо всем, шутить и смеяться.

Из окна бабушкиной кухни, через дорогу, был виден угол дома, в котором находилось несколько госучреждений, библиотека, ЗАГС и ещё какая-то контора. Каждые выходные там останавливалась куча машин, украшенных разноцветными лентами и шарами, слышались радостные крики от разношерстной, ярко одетой толпы гостей. Каждый раз, завидя свадебный кортеж, бабушка неизменно говорила:

– О-о, ещё одну повезли посуду мыть...

Сашка бежала к окну, выглядывала на улицу и, сделав большущие глаза, повернувшись, удивленно смотрела на неё.

Сегодня была пятница, свадебный день, и бабушка подойдя к окну и увидев знакомую картину, снова изрекла про посуду...

Сашка повернулась к окну и, поставив свои ручки на локотки, положила на них свою голову.

По-детски вздохнув, она мечтательным голосом сказала:

– Бабуля, ты только посмотри, там такая красавица, я ещё никогда не видела такого пышного белого платья... Настоящая принцесса... Бабушка, ну подойди!

Евгения Васильевна откликнулась на зов внучки и подошла:

– Чего я там ещё не видела?

– Бабушка, а разве невесту могут заставить посуду мыть на свадьбе? Она же такая беленькая, такая наря-а-адненькая, – умиленно говорила Сашка, – и на свадьбе так весело. Мы были с родителями на свадьбе, когда дядя Игорь женился... и я не помню, чтобы тётя Алёна там посуду мыла. А подарков знаешь там сколько надарили? – и она, раскинув руки, показала большую гору.

– Свадьба – это всего лишь один день праздник, а за ним – целая жизнь... – говорила Евгения Васильевна, – некоторые столько сил и денег в это вбухивают, что жить потом некогда...

Но Сашка уже не слушала её. Она умчалась в комнату и через пять минут вернулась важная, нарядная. Где-то она достала бабушкин шарфик из тонкого шифона в белый горошек и, прицепив его прищепками к своим бантам, важно объявила:

– Посмотри, бабуля, я тоже невеста!!!

И, походив так по кухне, снова прилипла к окну.

Бабушка рассмеялась:

– Невеста, да без места.

И, шлепнув её легонько по мягкой части ниже спины, сказала:

– Отойди от окна, продует... Давай уже завтракать, невеста...

Они пили чай, а невеста с фатой в горошек рассуждала:

– Как думаешь, бабуля, я когда-нибудь выйду замуж?

– Выйдешь! Как же такая егоза усидит-то... Только вот где сейчас жениха-то хорошего найдешь?

– Так жених-то у меня есть уже, я же тебе говорила.

– Кто это? – рассмеялась бабушка, – что-то я запаматовала.

– Ну, Андрюшка, из соседнего класса, он мой жених, все знают, – серьёзным тоном начала Сашка, – осенью, когда пошли в школу, я зашла и увидела его в коридоре, он ел кириешки, я смотрела на него, а он подошёл, протянул мне пачку и сказал: «Хочешь?» Ну, я взяла несколько штук... девочки из нашего класса сразу сказали: «Он в тебя влюбился» ... Только жалко мне его.

– Почему? – удивилась бабушка.

– Папа пьет у него и, говорят, бьёт... я бы уже сейчас к нам его забрала, но мама сказала «нельзя».

– Да, жалко мальчишку... Ладно, невеста, пошли учебники листать.

Поздно вечером, когда укладывались спать, бабушка, убирая фату и прищепки, понюхала Сашкины волосы:

– М-м... Как же ты вкусно пахнешь, Санечка.

– Чем пахну? – удивилась та.

– Хорошей девочкой, – улыбнулась бабушка, – когда мать принесла тебя с роддома, я развернула тебя и понюхала, как сейчас, твою головку... ни одна девочка не пахнет так вкусно, как ты.

– Просто, я твоя, – сонным голосом сказала Сашка и, порывисто прижавшись, обняла бабушку, – знаешь, я, наверное, не пойду замуж, я с тобой всегда-всегда жить буду. Вот школу закончу, и мама меня навсегда к тебе отпустит... Мы каждый день будем печь пончики и спать рядышком... Я только Мурзика заберу, – проговорила она и заснула.

Бабушка нежно поцеловала ее спящую головку и тихо сказала:

– Спи с Богом и выздоравливай... невеста моя.

Глава вторая, в которой бабушка идет в Инстаграмм¹

Облетали листочки календаря, которые Евгения Васильевна аккуратно обрывала, заходя утром на кухню.

Пролетело несколько лет. Сашка уже училась в старших классах и готовилась к экзаменам. Уроки, занятия в музыкалке, бассейн, танцы, экзамены – всё это вихрем кружило её, неделя за неделей. Она всё реже и реже заходила к своей бабуле.

– Бабуль, привет! Нет, не зайду сегодня, – громко говорила она в телефон, идя по улице, – спешу на занятия...

Но обходиться долго без своей закадычной подруги она не могла. Сашка сейчас находилась в таком «золотом периоде», нежно именуемым трудным подростковым возрастом. И когда на её светлую голову обрушивались настоящие трагедии, она в самом мрачном расположении духа появлялась на пороге у Евгении Васильевны.

– Бабуль! Ты дома?

– Ах ты, Господи! – неслось из кухни или из комнаты, откуда выбегала Евгения Васильевна, слыша родной голос, – Санечка, ты? А чего не предупредила? Я тебя сегодня и не ждала. Ну, заходи, заходи, милая. Пойду чайку тебе сразу поставлю.

Сашка медленно сняла пальто и шапку и засеменила к бабушке на кухню.

Она сидела на своём любимом месте у окна, положив ногу на ногу и, нервно барабанив пальцами по столу, смотрела в свой телефон. Евгения Васильевна знала, что в такие минуты к ней лучше не приставать с разговорами, а дать время остыть, успокоиться и тогда уже поговорить по душам.

– Пишет там кто-то тебе? – спросила она, ставя перед Сашкой заварник с её любимым зелёным чаем.

– Нет, я просто в инстаграмме² фотки смотрю, – буркнула Сашка.

Стоя у плиты Евгения Васильевна спросила:

– Санечка, а почему название такое странное – «сто грамм»? Они что, лучше ничего придумать не могли?

Сашка громко цокнула и закатила глаза.

– Бабушка, ин-ста- грамм³, – подчеркивая каждый слог с раздражением, сказала она, – мне уже перед подругами стыдно, когда к тебе вместе заходим, ты все слова коверкаешь... И называй меня, пожалуйста, при них Александра. Надо мной все уже смеются «Са-анечка», – передразнила она и тоном учительницы пояснила, – Инстаграмм⁴ – это сеть такая, где фотки красивые выкладывают. Запомни уже!

¹ Организация, запрещённая на территории России.

² Организация, запрещённая на территории России.

³ Организация, запрещённая на территории России.

⁴ Организация, запрещённая на территории России.

Евгения Васильевна, делая вид, что не замечает её бурчания, поставила перед ней горячие пирожки.

– На-ка, ешь, Александра! И убери со стола эту заразу, – она забрала из её рук телефон, положила его на холодильник и проворчала, – в туалет уже без него сходить не можете.

И присев у стола спросила:

– Ну, выкладывай, что стряслось у тебя? Ты же не из-за фоток этих расстроилась? – и она взмахом головы показала в сторону телефона.

– Ничё не стряслось, – сказала Сашка, но горячий чай уже отогрел её раненую душу, и слёзы прозрачными бусинками покатались по щеке, утопая в горячем чае.

Евгения Васильевна терпеливо ждала.

– Да с матерью опять поругались... Сейчас, по телефону, – сквозь слёзы начала Сашка, – орёт на меня как ненормальная... С ней вообще невозможно разговаривать... Скорее бы школу закончить и свалить отсюда, – уже рыдая, закончила она.

Евгения Васильевна налила в стакан тёплой воды.

– На-ка, попей, мелкими глоточками, как я тебя учила, – говорила она, глядя Сашку по голове. – Успокойся, девочка моя... У тебя ещё возраст такой... Скоро всё пройдёт, и будет легче.

– Да причём тут возраст? – снова зарыдала было уже успокоившаяся Сашка. – Она постоянно орёт как резаная, я даже не успеваю договорить... Попросить что-то, – и слёзы с новой силой покатались из глаз. – Почему она не такая, как ты?.. И никогда такой не будет... Ненавижу её!

– Ну-ну! Успокойся! – Евгения Васильевна вытирала Сашке слёзы своей мягкой, тёплой рукой. – У мамы твоей отец-то, ой, с каким тяжёлым характером-то был! Не дай Бог!.. Но в молодости разве думаешь об этом? И что дитё может не твой характер перенять... Об этом же не загадываешь, – задумчиво повторила она и спросила, – Повод-то какой нынче нашли?

– Понимаешь, у нас через месяц уже выпускной, все наряды себе покупают. Ну, мы сегодня с Маринкой зашли в один магазин, она мне показала, где ей будут платье покупать... Показала, какое она выбрала и отложила, а рядом, бабушка, такое платье, закачаешься!.. И мой цвет, и мой размер...

– Ну?

– Звоню матери, говорю: «Маринке купили, а мне...» – и она снова зарыдала.

Худенькие плечики её тряслись, лицо сильно покраснело. Она размазала уже всю тушь по глазам, чёрные от краски слёзы падали на её белую школьную блузку.

– А стоит-то сколько? – спросила Евгения Васильевна.

– Мать сказала вообще тебе об этом не заикаться даже, сказала убьёт, если скажу... пенсии твоей точно не хватит! – всхлипывая, закончила Сашка и немного погодя снова заревела, – Маринке вон всё покупают, что она захочет, а у нас то стройка, то ремонт, вечно денег нет!

– Бедная твоя Маринка... – сказала бабушка.

– Это почему? – Сашка подняла на неё свои удивлённые большие глаза, в которых вдруг высохли слёзы, – почему это бедная? Ты что говоришь? У неё есть всё, что пожелает, сколько бы это ни стоило, а я... – и она снова хотела заплакать.

– Понимаешь, внученька, жизнь – она же не сахар один, будут и тяжелые времена. А Маринку твою балуют очень, а как она жить-то будет, когда река родительских денег иссякнет? Родители же бесконечно работать не смогут, а на пенсию-то не разбежишься, сама знаешь, и вот что тогда твоя Маринка делать будет? Работать она не привыкшая... Презирает всех, и только разговоры что о тряпках. Удивляюсь я, что тебе с ней интересно.

– Она весёлая очень. Смеётся постоянно, легко с ней. Она всё время говорит, что замуж только за богатого выйдет, сразу после школы, мечта у неё такая, – говорила Сашка, вытирая ладошкой свои глаза.

Бабушка рассмеялась:

– Да-да, сидит такой богатый мужчина и думает: «Куда же мне деньги-то свои большие деть?» – и переживает, где ему такую дурочку молодую да сразу со школы себе в жены взять, да ленивую, да без образования...

Они ведь, богатые-то, тоже не дураки. Им ведь друг нужен, с которым и поговорить можно. А о чем с твоей Маринкой можно поговорить, кроме как о тряпках да о помадах?

А коль и выйдет, да за такого же, как она, то надолго ли? Если и у него будут одни вещи на уме, полюбуется да бросит, и ладно, если дитём наградить не успеет... Счастье ведь не в тряпках... И даже не в брильянтах, – закончила она. Потом, немного помолчав, начала рассказывать:

– Знаешь, я когда семилетку-то кончила, время тяжелое было, и тогда ни у кого ничего и не было. Платья ситцевые если и были, в том и на выпускной ходили, но тогда и это богатством считалось... а уже потом... Когда я работать пошла, я делала так, когда наряд новый хотела: я с одной зарплаты кусок ткани покупала, а на следующий месяц выкраивала денег на шитьё, так и обходилась. И платья у меня были не хуже, чем в хороших магазинах! Швея, Зина, замечательная женщина была, руки золотые!

Санечка, слушай, – Евгению Васильевну вдруг осенила идея, – а давай мы тоже платье тебе пошьём, я вот денег на ткань дам, родители за шитьё заплатят, а фасон можно ещё лучше магазинного придумать!

Санька с восхищением посмотрела на бабушку, перестав растирать свои глаза. С красным носом, черной краской вокруг глаз, она сейчас походила на маленького клоуна из цирка.

– Бабушка, какая же ты... – она подбежала к Евгении Васильевне и порывисто обняла её, – замечательная! Как же я тебя люблю!... Вот только что мама скажет, она же сказала тебе ни слова...

– С Наташей я сама поговорю. А завтра сходим в магазин вместе и посмотрим ткань, я сама качество и цвет посмотрю, а то ты выберешь такое, что шить будет нельзя...

Но Сашка уже не слышала её, она звонила Маринке сообщить ей радостную новость...

Через несколько минут Сашка рылась в бабушкином шифоньере, отыскивая что-нибудь из своих вещей, чтобы переодеться. Вдруг она вытащила бабушкин светлый шарфик в белый горошек.

– Смотри, – рассмеялась она, показывая его бабушке, – «фата» моя! Как же я любила с ней играть... – и, вздохнув, сказала, – не хочу уходить от тебя... Но надо – последний класс ведь в музыкалке...

Евгения Васильевна обняла её на прощание:

– А на мать ты не обижайся и не кричи в ответ. Отойди и успокойся. Ты же знаешь, она побушует, покричит, а потом успокоится и сделает. А кричать привыкнешь, потом всю жизнь отвыкать придётся.

– Ладно, ладно, – насупившись, пообещала Сашка и открыла входную дверь.

– Да, Санечка, занеси по пути Зое Алексеевне пару пирожков горяченьких.

– Ну, бабушка! – возмутилась Сашка, – я опаздываю, во-первых... А во-вторых, я уже выросла из возраста Красной Шапочки, чтобы пирожки твоим подружкам носить. А к твоей Зое Алексеевне как попадешь, потом как из бермудского треугольника не выберешься!

Но Евгения Васильевна уже вручила ей тарелочку с пирогами и выталкивая её легонько за дверь, говорила :

– Из добра, милая, никогда не вырастают. А коль среди людей живёшь, по-людски и жить надо. Она мне сегодня лекарства вот привезла из дальней аптеки. Ну, иди с Богом.

Уже стоя на площадке, Сашка обернулась:

– Бабуль, можно я к тебе сегодня ночевать приду.

– Приходи, родная, приходи...

Зоя Алексеевна жила на первом этаже прямо под бабушкой. Сашка спускалась по лестнице и вспоминала, как в детстве бабушка постоянно отправляла её вот с такой же тарелочкой то к одной своей соседке, то к другой. Сашка делала тогда это с большим удовольствием – она с замиранием сердца ждала, когда откроется дверь и на неё восторженно посмотрят удивлённые глаза какой-нибудь бабушкиной подруги... Но годы безжалостно проредили и подъезд бабушкин, и дом, осталась только Зоя Алексеевна, старенькая учительница.

Заходя к ней, маленькой Сашке казалось, что попадает она в какой-то сказочный мир: на стенах у Зои Алексеевны было много картин, на стеллажах – бессчётное количество книг и статуэток. Сашка могла разглядывать всё это часами... а Зоя Алексеевна ей что-нибудь читала.

Бабушка, спохватившись, находила там свою «потерю» и, уводя её за руку домой, всегда извинялась:

– Простите нас, Зоя Алексеевна, она вас так отвлекла.

– Что вы, что вы! – отвечала неизменно та, – я так люблю, когда Александра ко мне заходит, мне так приятно...

И от того, что такой взрослый и интеллигентный человек называл её Александрой и от этой сказочно-музейной обстановки, Сашка, как в тумане, следовала за бабушкой наверх, не слыша её ворчания.

– Ушла и пропала! Два часа тебя нет... Посиди немного для вежливости и домой, – наставляла она внучку, – ей же некогда! У неё ученики каждый день, и ты ещё тут...

Но каждый раз, унося Зое Алексеевне пирожки, всё повторялось: Сашка безвозвратно исчезала, и каждый раз бабушка за руку уводила её домой.

Сашка вспомнила это и улыбнулась. Через пару минут после звонка дверь открылась:

– Ах, Александра, это вы! – услышала она восторженный голос...

Глава третья, в которой Наталья отправляется в детство

Стукнула входная дверь. Евгения Васильевна, сидевшая в кресле, вздрогнула и, сняв очки и отложив книгу, поспешила в прихожую.

– Санечка, а чего?.. – привычно начала она, удивляясь, что Сашка так быстро вернулась. «Наверное, Зоя Алексеевна вышла куда», – пронеслось у неё в голове. Но в пороге стояла Наташа.

– Ой, испугала ты меня, Наташа, – сказала Евгения Васильевна, – я подумала, это...

– А я говорю тебе всегда – закрываться надо! – сердитым тоном начала Наташа бесполезный разговор.

– А ты чего зашла-то? Я же позвонила тебе, сказала, что лекарство мне уже привезли, – перебила её Евгения Васильевна.

– А что, мне уже к маме своей зайти нельзя просто так?! – начала кипятиться Наташа.

– Что ты, дочка, заходи, конечно. Я тебе всегда рада! – «Только уже не помню, когда ты просто так заходила», – мелькнуло у Евгении Васильевны. Но она ровным тоном спросила:

– Чай будешь? Или борщ разогреть?

– Мама, какой борщ? Я на диете! – сказала Наталья, снимая пальто.

– Ой, доченька, ешь, пока рот свеж, – донеслось из кухни.

– Мама! Вечно ты со своими прибаутками! Я не хочу в старости как ты – на одних лекарствах жить. Поэтому и не ем, что попало! – говорила недовольно Наталья.

– Я на лекарствах, потому что на производстве вредном работала, и ты это знаешь...

– Ладно, ладно, не начинай... – перебила её дочь.

Через полчаса они сидели в комнате и общались. Евгения Васильевна ждала, когда Наталья начнёт излагать «дело», по которому пришла «просто так».

Но она все не начинала...

Евгения Васильевна смотрела на свою дочь, сидящую у окна в кресле. Она, как в детстве, сидела, поджав ноги. Смотрела на неё и думала: «Когда же она, её девочка, успела так быстро вырасти и стать такой далёкой и чужой?» Лицо её осунулось, под глазами пролегли тёмные круги.

– Уставшей выглядишь, Наташа, на работе опять проблемы?

– Да, на работе каждый день проблемы, – с раздражением отмахнулась Наталья. – С Сашкой всё сладу дать не могу. Достала она меня! Кстати, она к тебе сегодня не заявлялась?

– Нет! – для общего благополучия лукавила Евгения Васильевна.

– Наглая такая стала, дерганая... орёт на меня, слушаться вообще перестала! Скорей бы школу закончила и свалила...

«Она-то свалит, а вот ты-то что без неё делать будешь?» – подумала про себя Евгения Васильевна, а вслух сказала:

– Что ж, возраст такой, терпи Наташа. Я тебя терпела в её возрасте, и ты вытерпишь...

– Да сколько можно! Возраст... Уже два года нервы мне мотает, а у неё всё возраст! – кипела Наталья, – я думала: родится у меня девочка, подружка будет... ну, это же нечто!

– В этом-то и беда, Наташа, что мы так думаем.

– Ты о чем, мама?

– А о том, Наташа, что, мы иногда не имеем представления, кого мы рожаем и главное – зачем... – и, помолчав, продолжила, – вот ты подругу думала родишь, но подругами не рождаются, ими становятся... а ты родила ребёнка, которого поклялась оберегать, растить, помогать... а вот станете ли вы подругами, зависит во многом от того, как вы сейчас непростой экзамен жизни сдадите.

Переходный возраст не только ведь у неё, но и у тебя. Сейчас время перестроиться, приспособиться к взрослеющей дочери и заново подружиться с ней... Я вот этот «экзамен» так и не сдала...

– Ой, мама, нормально всё у тебя было... Не помню, чтобы мы с тобой конфликтовали так, как с этой... У меня уже сил с ней бороться нету, – и она сморщила лоб, – я вообще хотела попросить, чтобы ты её к себе взяла пожить на пару месяцев хотя бы, а иначе я не знаю... Прибью, наверно... Я удивляюсь вообще, как ты с ней ладишь?

Евгения Васильевна молчала. «А сколько раз я тебя просила, чтобы ты не кричала на ребёнка, обидными словами не называла, она ведь у тебя всему учится... Сейчас пожинаешь то, что сеяла... Но всё пустое, ты меня и слушать не хочешь», – думала она. А вслух сказала:

– Нет, Наташа... Не обижайся... Не возьму.

Наталья удивлённо смотрела на неё: «Да вы же друг друга обожаете», – читалось в её глазах.

– Болею я... Зачем девочке корвалолом да мазями всё время дышать? Ночами почти не сплю, хожу, охаю, а комната одна, – и, сделав паузу, продолжала, – а даже если бы и не болела, всё равно не взяла бы. Ей сейчас ты очень нужна, Наташа. Ты и отец, а не бабка старая, хоть и любимая...

– Ну, конечно! Нужны мы ей! Она от нас галопом к своим подругам бежит, родители ей не нужны! С нами ей уже неинтересно, она это постоянно демонстрирует! – взорвалась Наталья.

– Да, девочка наша выросла, ей уже не пять, и за ручку её не поводишь... Она сейчас познаёт мир, учится дружить и общаться, но возвращаться она всегда будет домой, к тебе. Вот тут-то ты её и наставишь, исправишь, если нужно... А оттолкнёшь сейчас, всю жизнь потом локти кусать будешь и удивляться, почему она к тебе редко заходит...

– Да о чём ты говоришь, мама?! Слушать она меня будет, как же!.. Связалась со своей Маринкой, в рот ей заглядывает! – Наталью потряхивало.

– Да, Наташ, мне самой Маринка не очень нравится: всё про мальчиков да про тряпки разговоры одни... Я Санечке об этом часто говорю, девочка она у нас неглупая, и, думаю, дружбе этой недолго осталось.

– Не знаю... но наглости она от неё набралась, точно. – Наташа спустила ноги с кресла, – все запреты мои игнорирует напрочь! Ни меня, ни отца ни во что не ставит, а он сюсюкается с ней всё, как с маленькой!

Я строго-настрого запрещаю, чтобы какие-нибудь парни её подвозили на машине. А тут смотрю в окно: выходит, красавица! И парень какой-то незнакомый за рулем сидит, рукой ей машет. Я говорю Диме: «Полюбуйся на свою дочь! Поговори с ней хоть раз строго, видишь, совсем от рук отбилась». Он мне: «Ты же знаешь, к чему это приведет?» Я говорю: «Давай, давай, ей уже пятнадцать лет, а она отцового наставления еще ни разу не слышала».

– Он полдня собирался духом, кряхтел, пыхтел, думал... Потом зашел на кухню, Сашка там после скандала посуду мыла... И что ты думаешь, он ей сказал?!...

– И что же? – Евгения Васильевна вопросительно подняла брови.

– «Ты котика-то своего сегодня кормила?» – спросил он её строгим голосом. «Да!» – буркнула та. «Есть-то он у тебя не просит?» «Нет!». Вот и поговорили! Вот и всё воспитание, представляешь?!

Евгения Васильевна улыбнулась.

– Я вообще не помню, чтобы я так себя вела, – продолжала Наталья.

– Не помнишь... а я помню хорошо тот период. Я бы ещё больше дров наломала, если бы не Феденька, – и она посмотрела на портрет, стоящий на комод, напротив. – Как сейчас помню: я сижу на диване, а Федя в кресле, как ты сейчас. Я плачу, жалуясь, что ты не слушаешься, что домой ноги не идут, а он мне говорит: «Женя, ты должна дочку сейчас в два, а то и три раза больше любить и заботой окружать». А я ему не хуже, как ты, говорю: «Она кричит и не слушается». А он мне: «Кричит – значит, внимания требует. Ты вспомни её маленькой: она плакать начинала, ты всё бросала и бежала к ней на помощь. Сейчас она по-другому твоей помощи просит. Ты мать, и ты это сердцем услышать должна»...

А какое внимание тебе надо? Я так и не поняла... Да и работала тогда в две-три смены, всё перевыполнением плана, тогда бредили, детей своих не видели... А как ни старались, пенсий-то не три, а одну заработали, – Евгения Васильевна улыбнулась. Тогда Феденька всё в свои руки взял. Вспомни, как он вас стал на каток, на рыбалку, в походы водить – твоих друзей и подружек. Приду домой вечером, а у нас колготня... Все что-то мастерят, домой никого не выпроводишь...

– Да, отец золотой человек был... – тихо сказала Наталья.

– Хоть и не родной... а роднее родных для тебя был... И всё потом потихоньку выровнялось, ты школу закончила... Наташа, ты приглашай Сашиних подружек к себе почаще, и они на глазах у тебя всё время будут, меньше плохого натворят. И ты рядом с ними всегда молодая душой будешь.

– Ой, мама, когда мне! Я на работе так устаю, как собака. Приду домой, кое-что сделаю – и спать. Некогда мне ещё её подружек развлекать.

«Не слышишь ты меня, Наташа», – огорченно подумала Евгения Васильевна, но вслух сказала:

– Отдыхать тебе побольше нужно, а ты столько времени за компьютером, и дома, и на работе.

– Да я хоть в интернете что-нибудь полистаю, прочитаю вечером и отвлекусь от того дурдома...

– Ты рисовала раньше хорошо, Наташа... вот и рисуй по выходным, отвлечешься, и всё лучше, чем перед экраном постоянно сидеть...

Наталья закатила глаза:

– Мама, давай не будем об этом!

Евгения Васильевна встала и подошла к комоду, провела рукой по портрету с таким родным лицом. С портрета на неё смотрели ясные глаза, с едва заметной улыбкой.

– Ах, Федя-Федя... Такие светлые люди, как ты, не должны так рано уходить... – по её щекам потекли слёзы.

– Ладно, мама, хорошо тут у тебя, спокойно... но я пошла, – Наталья встала и, выйдя в прихожую, стала надевать пальто.

– Да, Наташа, я ещё вот о чем поговорить ещё хотела, – Евгения Васильевна вышла её провожать. – Санечка так старается, почти без троек всё заканчивает... Думаю, подарок какой ей сделать, что-то нужное хочется подарить... И решила ткань ей на платье купить... Вам же всё равно к выпускному покупать придётся... Через дорогу – ателье хорошее. Там девочки хорошо шьют и берут, вроде, недорого!

Наталья слушала мать, прищурив глаза. Она, как рентгеном, сверлила её, пытаясь понять, не с Сашкиной ли подачи весь этот разговор.

– Пинка ей надо, а не подарок, – раздраженно изрекла она, но видя ещё не высохшие слезы на глазах у матери, смягчилась, – ладно, я с Димой поговорю.

Евгения Васильевна подошла и крепко обняла дочь, слёзы, навеянные добрыми воспоминаниями, ручейком катились из её глаз.

– Мама, ты чего? – отстранилась от неё удивленная Наталья. Она не помнила, когда она обнималась с матерью в последний раз, – как будто прощаешься со мной... – в её глазах и голосе читалась тревога. – Расстроила я тебя... Ладно, всё, я пошла.

Евгения Васильевна закрыла за ней дверь.

– Не прощаюсь я, а долги свои отдаю... – тихо сказала она.

Глава четвёртая, в которой незнакомка преподаёт тяжёлый урок

Наталья медленно спускалась по лестнице вниз. Это было несвойственно ей: обычно, едва Евгения Васильевна успевала закрыть за ней дверь квартиры, как уже хлопала подъездная. Наталья уже вылетала на улицу, вечно спеша: на работу, домой, редко – к подруге. В этот раз она впервые чувствовала растерянность. Мама, действительно, не на шутку встревожила ее своим прощанием. К чему бы это?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.